

ВЕНГЕРСКИЕ ПОСЛЕЛОГИ И РУССКИЕ ПРЕДЛОГИ: ОДНО И ТО ЖЕ С «ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ЗНАКОМ?»

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (41).

УДК 811.511.141'367.63+811.161.1'367.63

DOI: 10.24144/2663-6840/2019.1(41).47–53

Виноградов А.О. Угорські післялоги й російські прийменники – одне і те ж із «протилежним знаком?»; 22 стор.; кількість бібліографічних джерел – 32; мова російська.

Анотація. Угорські післялоги й російські прийменники – одне і те ж із «протилежним знаком?». У роботі розглядається питання про співвідносність угорських постфіксів (післялогів) і російських прийменників в аспектах: позиційному, семантичному і функціональному – з метою встановлення ступеня їх близькості, що викликано спірною дефініцією перших через другі.

Головною метою дослідження є аналіз постулату, що російський прийменник і угорський післялог – це «конверсивні» частини мови.

Автор вважає, що цілком обґрунтовано й виправдано розглядати прийменники й післялоги як важливий фрагмент у «лінгвістичному субстраті» мовних картин світу різних етносів і, з іншого боку, в порівняльному описі цих картин світу, зокрема, в сфері словотворення. Дослідження згаданих релятивних слів по праву займає важливе місце в сучасній парадигмі когнітивної лінгвістики.

У результаті проведеного дослідження автор доходить висновку про те, що семантичний паралелізм між російськими прийменниками й угорськими післялогами характерний лише для конструкцій, в яких ті й інші відтворюють основні для них (ядрові) значення місця й часу.

У конструкціях із іншими значеннями регулярні кореляції між конкретними значеннями окремих слів-реляторів в обох мовах встановити неможливо.

У площині семантики співвідношення на зразок «один до одного» між російськими прийменниками й угорськими післялогами – скоріше виняток, ніж правило. Автор вважає, що кваліфікувати післялог як «антипод» прийменника, що відрізняється від нього тільки «протилежним знаком» – постпозиції першого vs. препозиції другого, немає підстав.

Ключові слова: угорські післялоги, російські прийменники; позиційна, семантична й функціональна співвідносність, функціонально-семантичний паралелізм, когнітивна лінгвістика.

Мотивація. Одним із стимулів к постановке данного вопроса выступает сопоставительное изучение в различных аспектах русских и венгерских глагольных приставок (превербов), которые вот уже длительное время остаются центральным объектом научных интересов автора. Казалось бы, какое отношение имеют русские и венгерские глагольные префиксы к упомянутым служебным словам? Тем не менее в ряде работ, посвященных изучению предлогов и послелогов в каждом из этих языков по отдельности, констатируется параллелизм (коррелятивность), с одной стороны, между русскими предлогами и глагольными приставками¹, а с другой² – между венгерскими превербами и послелогоми. Поэтому выглядит естественным и логичным соотносить эти служебные части речи, или релятивные слова³, в обоих языках в качестве отдельного объекта изучения, так сказать, «отталкиваясь» от объединяющей их категории глагольных префиксов⁴. (К слову, анализ названных языковых единиц в «триединстве» представляется достаточно интересной проблемой, которая заслуживает специального рассмотрения.)

Высказанные соображения относятся к сфере личных научных побуждений автора в плане мотивации выбора объекта для изучения. Вместе с тем существуют и объективные причины для того, чтобы сопоставление предлогов и послелогов могло быть задачей отдельного исследования.

Анализ исследований. Служебные части речи обычно находятся на периферии контрастивных исследований. Однако специфический функциональ-

ный статус в языке у предлогов как маркеров национально-языковой картины мира отметил уже в своем фундаментальном труде В.В. Виноградов: «В семантической системе предлогов открывается сложная область отвлеченных отношений, выражающих общественное (выделено мной. – А.В.) понимание самых разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями» [2, с. 540].

Такая антропоцентрически ориентированная, вполне современная когнитивно-лингвистическая интерпретация предлогов, думается, в полной мере может быть приложена также к послелогам. Из этого следует, что вполне обоснованно и оправданно рассматривать предлоги и послелог в качестве важного фрагмента в «лингвистическом субстрате» языковых картин мира (ЯКМ) разных этносов и, с другой стороны, в сопоставительном описании этих ЯКМ, в частности, в сфере словообразования. Исследование упомянутых релятивных слов, на наш взгляд, по праву заняло бы важное место в современной парадигме когнитивной лингвистики. К тому же интерес к этим служебным языковым элементам, в частности, к предлогам у ученых в последнее время заметно вырос, наглядным свидетельством чего является активная совместная работа в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис».

Главной целью нашего исследования является анализ постулата, что русский предлог и венгерский послелог – это своего рода «конверсивные» части речи, как вытекает из определения послелога, дан-

ного более 30 лет назад А. Шальгой: «Послелог – это часть речи, соответствующая русскому предлогу» [22, с. 88]. Нужно отметить, что с тех пор подобная трактовка послелогов в научных источниках, в сущности, не изменилась: «Послелог – это служебное слово, выполняющее функцию предлога, но в отличие от него находящееся не перед управляемым словом, а после него» [28]. Ср. также: «Функционально послелог соответствует предлогу, но в отличие от него всегда находится в постпозиции» [17, с. 389].

Изложение основного материала. Приведенные толкования послелого «через предлог» наталкивают на мысль, что это, в общем, весьма близкие и соотносительные, однотипные величины (части речи), различающиеся только «противоположным знаком», если понимать под этим их пре- и постпозицию по отношению к характеризруемому имени, чаще всего существительному. Тем более что лингвисты, перечисляя отличия послелогов от предлогов, давно и единодушно называют их постпозицию по отношению к имени в числе первого (главного) признака [11, с. 274; 22, с. 90; 17, с. 389].

Но если в основу разграничения тех и других положить в первую очередь позиционную разницу между ними, то такую разницу можно было бы считать чисто формальной, поскольку функция у той и другой части речи в обоих языках выглядит одной и той же; ибо венгерские послелогии указывают на «синтаксические отношения имен, а также и местоимений к другим словам в предложении» [11, с. 274], а русские предлоги «обозначают синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений или субстантивированных прилагательных и числительных, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, местоимениями, прилагательными, реже наречиями, с другой стороны» [2, с. 531].

Возникает, таким образом, необходимость несколько подробнее разобрать соотношение русских предлогов и венгерских послелогов на предмет их сходств и различий по ряду параметров, каковые могли бы выступить в роли различительных признаков для этих слов-реляторов. К таким, на наш взгляд, относятся следующие: позиция слова, его семантика и функционально-языковой статус. Список подобных признаков, очевидно, может быть расширен, однако эти представляются наиболее существенными. Рассмотрим каждый из них по порядку.

Позиция. Как только что было сказано, ярким внешним дифференциатором предлогов и послелогов является их препозиция и постпозиция по отношению к характеризруемому имени. Однако параметр «позиция», судя по ряду публикаций, в последнее время утрачивает свою недавнюю роль очевидного и исчерпывающего формального различителя для тех и других. Так, растет количество работ, авторы которых склонны трактовать русские (славянские) предлоги, расположенные после имен существительных и при этом по-прежнему управляющие ими в конструкциях типа *не корысти ради, забавы для⁵, трудностям вопреки* и нек. др. как

закрепляющееся новообразование в современной системе частей речи [4; 5; 6; 8; 13; 15; 19; 30], – т. е., в сущности говоря, как новую часть речи.

Однако эта новая установка на пересмотр привычной системы частей речи в РЯ пока что не вообладала в морфологии. И те исследователи, которые придерживаются данной установки и расценивают постпозитивное употребление предлогов по отношению к существительному (явление, и в самом деле не столь уж редкое в современной речевой практике, хоть и затрагивает оно отнюдь не все предлоги) как ведущий и даже «сверхзначимый» признак их особого «частеречного» статуса, – т. е. те, кто ратует за трансформацию привычных предлогов в новую для русского языка часть речи, остаются в настоящее время в меньшинстве, образуя, если можно так выразиться, некую «диссидентскую фракцию». Однако члены этой «фракции» – сторонники новой интерпретации предлогов – твердо убеждены, что русским предлогам в постпозиции должен быть присвоен статус новой языковой единицы (части речи), которую надлежит обозначать соответствующим термином «послелог»⁶, несмотря на прямые и порой даже категорические утверждения в, как кажется, достаточно авторитетных научных источниках, что «в русском языке послелогов нет» [28].

Без сомнения, вопрос о послелоговом качестве русских предлогов достаточно интересен и в той же степени дискуссионен; он, впрочем, заслуживает отдельного и более подробного рассмотрения, которое не укладывается в рамки данной статьи. Пока что можно констатировать, что признак «до vs. после существительного» в качестве формального разграничителя предлогов и послелогов не отличается стопроцентной надежностью. В венгерском языке, кстати, также встречаются (хотя и изредка) случаи препозитивного употребления некоторых послелогов, а именно *túl, át, keresztül*, на что обращает внимание, например, К.Е. Майтинская в своей известной книге [11, с. 276]. Возможность такого, не характерного для большинства венгерских послелогов, употребления обусловлена у данных послелогов их большей самостоятельностью (автономностью) по сравнению с другими, хотя эти послелогии, как и другие, широко (и стандартно) используются в постпозиции.

Чертой, в определенной степени сближающей русские предлоги и венгерские послелогии с точки зрения позиции, является, во-первых, способность тех и других вступать в каждом из языков в отношения однородности, относясь к одному и тому же характеризованному имени существительному: *Rakjad ki a ház elé vagy mellé = Выгнуди **непед** или **около** дома*. Во-вторых, один и тот же предлог или послелог может относиться одновременно к двум именам – однородным членам⁷ (в примерах ниже подчеркнуты): *Csak vedd el valahova – a szekrény vagy a kredenc mögé = Да уберу куда-нибудь – за **шкаф** или **за комод***.

К чему же, собственно, сводятся в таком случае различия между предлогами и послелогими с точки зрения их позиции до или после существи-

тельного? Как следует из примеров, таковая не является их главным различителем; и все же, очевидно, позиция релятивных элементов по отношению к существительным может рассматриваться в качестве дифференциатора предлогов и послелогов, но лишь в аспекте частотности или даже вообще типичности соответствующих конструкций, и при этом для каждого языка в отдельности. Так, А. Шальга отмечает, что конструкции приведенного типа, т.е. с послелогом в абсолютном конце фразы, встречаются в венгерском чаще, чем в русском, где тоже имеются аналогичные конструкции с предлогом, типа *Тебе кофе с сахаром или без?* [22, с. 90]. Он считает это дифференцирующим признаком венгерских послелогов на фоне русских предлогов. Это утверждение венгерского лингвиста, пожалуй, можно принять, но не в такой безапелляционной форме, а только с оговоркой, что рассматриваемый признак по своей природе – не абсолютный, а градуационный; а значит, его релевантность исчисляется статистически, поскольку проявляется в разной степени и не на всем массиве соответствующих употреблений.

Попутно сто́ит отметить, что в качестве еще одной дифференцирующей черты русских предлогов и венгерских послелогов А. Шальга называет повторение послелогов при одном управляемом существительном, типа *a mögött a bokor mögött* [там же]. В данной конструкции есть только одно существительное – это *куст (bokor)*, и в русском действительно невозможны конструкции-кальки вроде **за, за кустом* или *’за кустом, за*. Но, с другой стороны, в венгерском для конструкций, подобных приведенной, характерна экспрессивная окраска, которая достигается специальным дейктическим акцентированием существительного – посредством введения дублетного послелога после определенного артикля *a* ('тот, та, то') в послелоговую конструкцию с этим существительным. Артикль, в силу этого, функционально приближается к указательному местоимению *az* (с тем же значением). Как известно, в РЯ артиклей нет, и экспрессивную нагрузку в подобном случае может нести, например, структурно коррелятивная венгерской русская двупредложная конструкция *за тем за кустом*, имеющая яркую разговорно-стилистическую (или фольклорную) и экспрессивную окраску; тем более что указательное местоимение *tot* в ней функционально и семантически коррелятивно венгерскому определенному артиклю *a*. В свете только что сказанного приведенные чуть ранее примеры русских конструкций в качестве недопустимых случаев – с повторением предлога *за* при одном существительном – тоже, пожалуй, можно рассматривать как окказиональные образования в разговорно-бытовом контексте: *Да посмотри внимательнее, за кустом, за!* – с эмфатическим интонационным выделением предлога.

Итак, и только что рассмотренная особенность употребления венгерских послелогов также не может служить отличительной чертой, которая выглядит достаточным основанием для противопоставления их русским предлогам.

Таким образом, препозиция или постпозиция служебного релятора при существительном, будь то русский предлог или венгерский послелог, жестко не задана изначально и генетически не обусловлена строем языка. Она, скорее, зависит от того, насколько тесные связи сохраняются у этого релятора с другими частями речи с аналогичной семантической (обстоятельственной) функцией в данном языке. Это, в свою очередь, создает больший или меньший потенциал к автономному функционированию стандартно препозитивного или постпозитивного релятора и, как следствие, обеспечивает у него возможность (или невозможность) изменять позицию в рамках обстоятельственно-именной конструкции. Иными словами, преимущественная пре- или постпозиция служебных слов – реляторов, так же как и возможность/невозможность их позиционной вариативности, отражают индивидуальные особенности русского и венгерского языков.

Семантика. Сразу оговоримся, что подробное изучение соотносительности предлогов и послелогов в аспекте их семантических характеристик требует специального внимания и занимает достаточно много места, чтобы можно было обстоятельно осветить эту проблему, наряду с другими вопросами, в относительно небольшой статье. Так, в данном случае, очевидно, следовало бы по отдельности рассмотреть соотношение служебных слов-реляторов в обоих языках, во-первых, в плане выражаемых в них пространственных (директивных) значений, а во-вторых, в аспекте значений временных, которые являются производными от первых⁸. Данные значения являются ведущими у рассматриваемых реляторов в обоих языках. При этом локативно-директивные и темпоративные значения, выражаемые русскими предлогами и венгерскими послелогом в каждом из языков и представленные в виде списков, отнюдь не будут полностью идентичны.

Но кроме указанных выше двух основных значений у предлогов и послелогов (которые упоминаются едва ли не во всех соответствующих работах), в последних выражаются и иные значения⁹: причины (*опоздать из-за дождя – az eső miatt elkésni*), образа/способа действия (*вместо ожидаемой премии получил выговор – várándó díj helyett a megrovást kapta*), совместности (*спусти с сыном – a fiával együtt¹⁰ eljönni*), цели (*идет в бой ради жизни – az élet végett harcba megy*) и др. [2, с. 538 – 539; 22, с. 89; 31; 32]. Эти и подобные факты, повторяем, требуют пристального внимания и подробного, тщательного изучения, которому целесообразнее было бы посвятить отдельное исследование. Здесь же мы вынуждены ограничиться элементарными констатациями наподобие того, что между русскими предлогами и венгерскими послелогом имеют место как сходства в выражаемых ими значениях, так и расхождения.

Значения русских предлогов и венгерских послелогов в приведенных выше примерах являются одними и теми же. И, значительно упрощая ситуацию, можно было бы сказать, что для целого ряда случаев, типа *зайти за дом – a ház mögé jönni*, *бросить под стол – az asztal alá dobni*, *поставить*

перед телевизором – a tévé elé letenni, после обеда – ebéd után, за обедом – ebéd alatt и т.п., между русскими и венгерскими релятивами имеет место устойчивая функциональная корреляция, основанная на сходстве их семантики. Однако прийти к такому заключению препятствует ряд обстоятельств.

Во-первых, корпусы значений рассматриваемых слов-реляторов в обоих языках не совпадают ни количественно, ни содержательно. Особенно наглядно в этом убеждают, в частности, список и анализ значений русских предлогов, например, в труде В.В. Виноградова [2, с. 538 – 540], для которых в венгерском языке далеко не всегда можно подобрать семантически эквивалентный послелог¹¹. Из этого следует, во-вторых, что русскую предложно-именную конструкцию передать по-венгерски аналогичным формальным способом, т.е. посредством послеложно-именной конструкции, возможно не всегда. Так, в венгерском, вместо послелога в сочетании с именем в качестве ожидаемого эквивалента русскому сочетанию предлога и имени, может использоваться падежное окончание: *бороться за победу – győzelemért harcol, отдыхать до осени – őszig pihen* (примеры А. Шальги [22, с. 89]), *думать о детях – gyerekekről gondolni, из-за/но невнимательности – a figyelmetlenségéből, сделал ради собственной выгоды – saját hasznodért tetted* и мн.др. Причем одна и та же русская предложно-именная

конструкция, например, *ради* +N_{gen} на венгерском может передаваться разными способами, как с послелогом, так и без него – с участием окончания; ср. в вышеприведенных примерах: *ради жизни – ради выгоды ↔ élet végett – hasznodból*. Данное обстоятельство и без того осложняет попытку установить какие-либо системные, закономерные соответствия между семантическими парадигмами¹² русских предлогов и венгерских послелогов. Наконец, известный функционально-семантический параллелизм между русскими предлогами и венгерскими послелогом, как легко заметить, характерен лишь для конструкций, в которых те и другие выражают основные для них (ядерные) значения места и времени. В конструкциях же с другими значениями регулярные корреляции между конкретными значениями отдельных слов-реляторов в обоих языках установить не представляется возможным.

Предварительные итоги. Иными словами, в плоскости семантики соотношение типа «один к одному» между русскими предлогами и венгерскими послелогом – скорее исключение, чем правило. И, с учетом данного обстоятельства, квалифицировать послелог как «антипод» предлога, отличающийся от него только «противоположным знаком» – постпозицией первого vs. препозицией второго, – очевидно, нет оснований.

(Окончание статьи в следующем выпуске)

Примечания

1. О непосредственном происхождении приставок (превербов) от предлогов говорит, в частности, О.М. Трахтенберг [20, с. 122] и даже отмечает их полную тождественность в отдельных случаях – например, при глаголах конкретного действия или движения [там же: с. 126]. Сходные мысли по поводу приставок высказывает А.И. Мосеев, например, что они по значению совпадают с предлогами [14, с. 124] – правда, усматривая в этом языковую антиномию, поскольку однофемные морфемы (префиксы и предлоги. – А.В.), по мнению этого автора, сами по себе не имеют значения (?).

2. Ср.: «В венгерском языке некоторые глагольные приставки тождественны послелогам, благодаря их общему происхождению от наречий» [10, с. 77]. См. также: [12, с. 173–174].

3. Данный термин, который здесь мы используем для общего обозначения русских предлогов и венгерских послелогов, принадлежит К.Е. Майгинской [10, с. 9].

4. Таковые, в свою очередь, коррелятивны семантически и функционально в межъязыковом аспекте. См. об этом, например, нашу работу [1].

5. Существует оригинальное мнение, что постпозитивное употребление современных предлогов **ради** и **для** восходит к глубокой древности, к эпохе праславянского языка, в котором они были послелогам, а предлогами стали с течением времени [18].

6. Весьма показательным в этой связи представляется утверждение, что «совокупность наличия падежной валентности и особой позиции в словосочетании позволяют выделить послелог в отдельную часть речи» [29], относящееся к примерам словоупотреблений *из русского языка*.

7. Об этом свойстве венгерских послелогов упоминается в ряде исследований, в частности, в: [25, с. 113].

8. В.В. Виноградов отмечал, что временные значения предлогов «совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» [2, с. 538]. В. Самарас, анализируя пути развития в венгерском языке пространственно-временных метафор, приводит конструкции с послелогам, в частности, и нек. др. и указывает, что их исконный пространственный смысл в «темпоративном контексте» (в сочетании с существительными, обозначающими время) трансформируется во временной; причем направление метафоризации конгруэнтно лишь вектору ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ, но не наоборот [26, с. 101].

9. Эти другие значения иногда приводятся под обобщающим наименованием «отвлеченные» («elvontabb») [25, с. 114; 24, с. 74].

10. Из сказанного отнюдь не следует, что венгерская система послелогов не справляется или слабо справляется с выражением множества разнообразных обстоятельственных или объектно-обстоятельственных значений. Об этом достаточно подробно идет речь, напр., в: [27]. Но, повторяем, не все (если не большинство) из этих послелогов могут быть поставлены в прямое семантическое и функциональное соответствие русским предлогам.

11. Из сказанного отнюдь не следует, что венгерская система послелогов не справляется или слабо справляется с выражением множества разнообразных обстоятельственных или объектно-обстоятельственных значений. Об этом достаточно подробно идет речь, напр., в: [27]. Но, повторяем, не все (если не большинство) из этих послелогов могут быть поставлены в прямое семантическое и функциональное соответствие русским предлогам.

12. В данном случае под семантической парадигмой предлога (и, соотв., послелого) понимается система его значений, подобная «семантической сети», которую исследователи предлагают для описания семантики превербов (см. в частности, книгу М.А. Кронгауза [7] и ссылки в ней на данную методику). Отметим, что в ряде современных работ, посвященных изучению предлогов, понятие их парадигмы трактуется иначе [9, с. 281; 3, с. 267 и др.]. Существующая же лексикографическая практика представления значений предлогов у некоторых лингвистов вызывает негативную оценку, т.к. игнорирует отношения между отдельными значениями предлога [21, с. 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.А. Префиксация в русском и венгерском языках (внутриглагольное словообразование). Ужгород, 1998. 185 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога: конверсия. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 267.
4. Галактионова И.В. Предлог: препозиция и постпозиция. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 272 – 273.
5. Долин Ю.Т. Предлоги-послелогии? *Вестник ОГУ*, 2005. № 1. С. 86 – 88.
6. Киямова М.Ф. К вопросу о функционировании предлогов *вслед, навстречу, вдали* в языке А.С. Пушкина. *Уч. зап. Казанского ун-та: Гуманитарные науки*. Казань, 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 173 – 184.
7. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. 228 с.
8. Крылов С.А., Муравенко Е.В. Послелогии в русском языке. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 278 – 279.
9. Лебедева Я.А. Актуализационная парадигма предлога. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. С. 281.
10. Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 186 с.
11. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Т. I: Введение. Фонетика. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 304 с.
12. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Т. II: Грамматическое словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 226 с.
13. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.
14. Мосеев А.И. Некоторые антиномии теории морфем. *Морфемика: Принципы и методы системного описания*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 118 – 127.
15. Муравенко Е.В. Послелогии в русском языке. *Лингвистика для всех: Летняя лингвистическая школа 2007 и 2008*. М.: Московский центр непрерывного математического образования, 2009. С. 228 – 233.
16. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
17. Поцелуевский Е.А. Послелог. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: СЭ, 1990. С. 389.
18. Праславянские предлоги и послелогии. URL: www.proto-slavic.ru/psl-prepositions.html
19. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.
20. Трахтенберг О.М. Приставки и их роль в глагольном управлении. *Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика)*. Челябинск, 1966. Вып. 1. С. 121–133.
21. Филиппенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор). *Исследования по семантике предлогов: Сб. статей*. М.: Русские словари, 2000. С. 12 – 54.
22. Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка: В помощь преподавателям русского языка, обучающим венгерских студентов. Будапешт: Танкёньвkiadó, 1984. 152 с.
23. A névutói kifejezés. URL: www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop425/2011_0001_536_Magyar_Vyekv/ch05s05.html
24. Bencédy J. stb. A mai magyar nyelv: I. Rész. Budapest: Tankönyvkiadó, 1965. 467 old.
25. Csernicskó I., Karmacs Z. Szófaitan és morfológia. Beregszász, 2008. 168 old.
26. Szamarasz V.Z. Az idő téri metaforái: a metaforák szerepe a feldolgozásban. *Világosság*. – 2006. №№ 8 – 9 – 10. 99 – 109 old.
27. Tóth I.H. Közelebb a magyar nyelv határozóinak a megismeréséhez és kutatásához. URL: www.robertpejsa.cz/data/image/istvan/.../istvan_hatarozok.p....15 old.
28. URL: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/poslelog/?q=486&n=1370
29. URL: www.solarix.ru/grammar//preposition.shtml
30. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672926
31. URL: www.nyelvora.com/magyar-nyelvtan/3-9-viszonyoszok.html
32. URL: <https://hu.wikipedia.org/wiki/Névutó>

REFERENCES

1. Vinogradov A.A. (1998) Prefiksatsiya v russkom i vengerskom yazykakh (vnutriglagolnoe slovoobrazovanie) [Prefixation in Russian and Hungarian languages (intra-verb derivation)]. Uzhgorod. 185 s. [in Russian].
2. Vinogradov V.V. (1972) Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove). Izd. 2-e. [Russian language: grammatical doctrine of the verb]. M.: Vysshaya shkola. 614 s. [in Russian].
3. Vinogradova E.N., Chekalina V.L. K voprosu o grammatike russkogo predloga: konversiya [On the grammar of the Russian preposition: conversion]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. S. 267. [in Russian].
4. Galaktionova I.V. Predlog: prepozitsiya i postpozitsiya [Proposal: reposition and postposition]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. S. 272 – 273. [in Russian].
5. Dolin Yu.T. Predlogi-poslelogi? [Prepositions, postpositions?]. *Vestnik OGU*, 2005. № 1. S. 86 – 88. [in Russian].
6. Kiyamova M.F. K voprosu o funktsionirovanii predlogov vsled, navstrechu, vdali v yazyike A.S. Pushkina [To the question of the functioning of prepositions after, towards, far in the language of A.S. Pushkin]. *Uch. zap. Kazanskogo un-ta: Gumanitarnyye nauki*. Kazan, 2015. T. 157. Kn. 5. S. 173 – 184. [in Russian].
7. Krongauz M.A. Pristavki i glagoly v russkom yazyike: semanticheskaya grammatika [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]. M.: Yazyiki russkoy kulturyi, 1998. 228 s. [in Russian].
8. Kryilov S.A., Muravenko E.V. Poslelogi v russkom yazyike [Postpositions in Russian]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. S. 278 – 279 [in Russian].
9. Lebedeva Ya.A. Aktualizatsionnaya paradigma predloga [Prepositional update paradigm]. URL: www.philol.msu.ru/~rlc.2007/pdf/10.pdf. S. 281 [in Russian].
10. Maytinskaya K.E. (1982) Sluzhebnyye slova v finno-ugorskih yazykakh [Service words in Finno-Ugric languages]. M.: Nauka. 186 s. [in Russian].
11. Maytinskaya K.E. (1955) Vengerskiy yazyk. T. I: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya [Hungarian. T. I: Introduction. Phonetics. Morphology]. M.: Izd-vo AN SSSR. 304 s. [in Russian].
12. Maytinskaya K.E. (1959) Vengerskiy yazyk. T. II: Grammaticheskoe slovoobrazovanie [Hungarian. T. II: Grammatical derivation.]. M.: Izd-vo AN SSSR. 226 s. [in Russian].
13. Maslov Yu.S. (1975) Vvedenie v yazyikoznanie [Introduction to linguistics]. M.: Vysshaya shkola. 328 s. [in Russian].
14. Moseev A.I. (1987) Nekotorye antinomii teorii morfem [Some antinomies of the theory of morphemes]. *Morfemika: Printsipy i metody sistemnogo opisaniya*. Leningrad: Izd-vo LGU. S. 118 – 127. [in Russian].
15. Muravenko E.V. (2009) Poslelogi v russkom yazyike [Postpositions in Russian]. *Lingvistika dlya vseh: Letnyaya lingvisticheskaya shkola 2007 i 2008*. M.: Moskovskiy tsentr nepreryivnogo matematicheskogo obrazovaniya. S. 228 – 233. [in Russian].
16. Plungyan V.A. (2000) Obschaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General Morphology: Introduction to the Problem]. M.: Editorial URSS. 384 s. [in Russian].
17. Potseluevskiy E.A. (1990) Poslelog [Poslelog]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* / Gl. red. V.N. Yartseva. M.: SE. S. 389. [in Russian].
18. Praslavyanskyye predlogi i poslelogi [Pre-Slavic prepositions and postpositions] // [Rezhim dostupa]: www.proto-slavic.ru/psl-prepositions.html. [in Russian].
19. Russkaya grammatika [Russian grammar] / Gl. red. N.Yu. Shvedova. T. I. M.: Nauka, 1980. 783 s. [in Russian].
20. Trahtenberg O.M. (1966) Pristavki i ih rol v glagolnom upravlenii [Consoles and their role in verb management]. *Voprosy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika (grammaticheskyy stroy i stilistika)*. Chelyabinsk. Vyip. 1. S. 121 – 133. [in Russian].
21. Filippenko M.V. (2000) Problemy opisaniya predlogov v sovremennykh lingvisticheskikh teoriyakh (obzor) [Problems of describing prepositions in modern linguistic theories (review)]. *Issledovaniya po semantike predlogov: Sb. statey*. M.: Russkie slovari. S. 12 – 54. [in Russian].
22. Shalga A. (1984) Vengerskiy yazyk v zerkale russkogo yazyika [Hungarian language in the mirror of the Russian language]: V pomoshch' prepodavatel'nykh russkogo yazyika, obuchayushchikh vengerskiykh studentov. Budapesht: TankYonvkiado. 152 s. [in Russian].
23. A névutói kifejezés // URL: www.tankonyvtar.hu/hu/tartalom/tamop425/2011_0001_536_Magyar_Vyekv/ch05s05html. [in Hungarian].
24. Bencédy J. (1965) stb. A mai magyar nyelv: I. Rész. Budapest: Tankönyvkiadó. 467 old. [in Hungarian].
25. Sernicskó I., Karmacs Z. (2008) Szófaitan és. Beregszáz. 168 old. [in Hungarian].
26. Szamarasz V.Z. (2006) Az idő téri metaforái: a metaforák szerepe a feldolgozásban // *Világosság*. №№ 8 – 9 – 10. 99 – 109 old. [in Hungarian].
27. Tóth I.H. Közlebb a magyar nyelv határozóinak a megismeréséhez és kutatásához. URL: www.robertpejsa.cz/data/image/istvan/.../istvan_határozok.p.... 15 old. [in Hungarian].
28. URL: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/poslelog/?q=486&n=1370
29. URL: www.solarix.ru/grammar/preposition.shtml

30. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/672926

31. URL: www.nyelvora.com/magyar-nyelvtan/3-9-vizyonyszok.html

32. URL: <https://hu.wikipedia.org/wiki/Névtó>

HUNGARIAN POSTPOSITIONS AND RUSSIAN PREPOSITIONS – THE SAME PHENOMENON HAVING THE «OPPOSITE SIGN»?

Abstract. The paper deals with the problem of correlation of the Hungarian postpositions and Russian prepositions in positional, semantic and functional aspects. The analysis has been carried out to establish the degree of their closeness being caused by controversial defining of the former through the latter.

The primary purpose of the study is to analyze the postulate, that the Russian prepositions and the Hungarian postpositions are the «conversion» parts of speech.

The author considers it to be quite reasonable and justified to treat prepositions and postpositions as an important fragment in the «linguistic substratum» of the language world view of different ethnic groups on the one hand, and in the comparative description of these world views in the sphere of word-formation on the other. The study of the aforementioned words rightly occupies an important place in modern paradigm of cognitive linguistics.

As a result of the study, the author concludes that semantic parallelism between Russian prepositions and Hungarian postpositions is characteristic only of the constructions in which they reproduce the basic (nuclear) meanings of place and time.

In both languages it is impossible to fix regular correlations between specific meanings of individual word-relators in constructions possessing other meanings. Concerning semantics, the one-to-one correlation between Russian prepositions and Hungarian postpositions is an exception rather than a rule. The author considers, that to qualify a «postposition» as an «antipode» of a preposition, being different by the «opposite sign» – postpositions of the first versus the second, isn't justified.

Keywords: Hungarian postpositions, Russian prepositions, positional, semantic and functional correlation, functional-semantic parallelism, cognitive linguistics.

Стаття надійшла до редакції 20 січня 2019 р.

© Виноградов А., 2019 р.

Анатолій Виноградов – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології і світової літератури Ужгородського національного університету, Ужгород, Україна; <https://orcid.org/0000-0002-7998-1838>

Anatoliy Vynohradov – Professor of the Slavonic Philology and World Literature Department, Doctor of Philology, Uzhhorod National University, Uzhhorod, Ukraine; <https://orcid.org/0000-0002-7998-1838>